

НИКАКИЕ ГОДЫ НЕ СОТРУТ...

КИРСАНУ Анисимовичу Ефремову скоро шестьдесят. Возраст, конечно, не преклонный, но все чаще тревожат старые раны.

— Пора, видно, на покой, — говорит он домашним.

Десятки лет, ставшие между военными и сегодняшними мирными днями, не могут заглушить память о былом, о товарищах. О тех, с которыми вместе воевал, о тех, с кем в одном госпитале заживлял раны.

ПРОИЗОШЛО это 13 марта сорок второго года. Уже несколько дней шли упорные бои за белорусскую деревушку с забывшимся названием. Несколько раз переходила она из рук в руки. В этот морозный мартовский день удача была на нашей стороне, и Кирсан уже представлял, как с криком «ура!» врывается в село пехота, и он вместе со всеми бойцами вышибает немцев из хат. Вдруг бежавший рядом солдат медленно присел на землю: осколком снаряда, разорвавшегося вроде бы далеко, подкосили его. Кирсан остановился: санитаров не было.

— Сейчас перевяжу, — успокоил он бойца. — До деревни доберемся. — И сбросил с рук перчатки. Но просвистел еще один снаряд, теперь уже рядом. ...Кроме страшного грохота, Кирсан ничего не помнит.

Подобрали его только на следующий день.

Он не знал, что 17 марта, когда санитарный поезд мчал его вместе с другими тяжело ранеными в далекий сибирский госпиталь, в его родной Марьевке вражеская

бомба снесла полхаты, где оставались жена Настасья и старики. Только по случайной случайности они не погибли.

Госпиталь надолго задержал Кирсана Ефремова. Обмороженные пальцы рук пришлось ампутировать. Как бы то ни было, здоровье постепенно восстанавливалось, и в конце концов настало время попрощаться с Андреем Клименко, с другими товарищами, с врачами. Его ждали дома.

Ветераны войны и труда

Ближе к дому — ближе к передовой. Когда подезжали к Ростову, узнал солдат, что его село Марьевку захватили фашисты. Пришлось остановиться в Куцевской. Пережидал, когда Марьевку освободят.

ТРУДНО было Кирсану Анисимовичу без пальцев на обеих руках. Но сидеть не работая он не мог. Пошел в правление, попросил любую посильную работу.

— С лошадьми управившись? — спросили там.

— Постараюсь.

Кажется, простое дело — запрячь или распрячь лошадей. Но не все так просто. Особенно, когда сбруч намокнет. Хоть кричи... Но постепенно привык, наловчился. А тут пришла радость: прислали орден Славы третьей степени. Нашла его награда!

— Хоть бы рассказал, какой ты подвиг совершил, — старалась разговорить его жена Анастасия Федоровна. — За здорово живешь орден же не дадут.

Но он, улыбаясь, отмахивался:

— Чего рассказывать? Участвовал в боях за село, как и все.

— Ордена-то, поди, не всем дали?

На том разговор и кончался.

ПРОШЛО больше тридцати лет. За долгий срок приходилось работать возчиком. Года три-четыре назад стал заниматься выращиванием телят. И там справлялся.

Как-то сказал дочке Надежде:

— Ты бы написала в Новосибирск. Может, оттуда сообщат об Андрее Клименко.

Не прописан такой в области — прислали ответ. Интересно, где он теперь? Жив ли? Хочется Кирсану Анисимовичу встретиться со старым другом, поговорить. Ведь Андрей после госпиталя воевал, был еще раз ранен, потом опять на фронт. Может, и до Берлина дошел?

— Хорошо, если бы он был жив, — говорит старый солдат. — Жить-то все лучше становится. И о нас, бывших фронтовиках, не забывают. Вот приглашают участников войны в Марьевский клуб на встречу с молодежью. Просят выступить. Да не умею я складно говорить.

Умел старый солдат воевать, умеет работать, а вот выступать не научился. Но это, наверное, и не главное. Главное — дело.

А. АНДРЕЕВ.

с. Марьевка.